

Кирилл Королев

BACK TO THE USSR, ИЛИ ИГРЫ КВАЗИ-ИСТОРИЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ ДЕТСТВЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

На рубеже 2010-х гг. в современной отечественной фантастике стал активно разрабатываться сюжет, подразумевающий физическое перемещение героя обратно во времени ради изменения прошлого — возвращение в СССР, причем не в годы Великой Отечественной войны, куда отправляли своих героев первые авторы нынешних альтернативно-фантастических произведений, а в мирные годы «застоя», в поздний Советский Союз брежневских времен. Во многих произведениях герой при таком перемещении попадает в детское тело и тем самым вынужденно проживает позднесоветское детство — такое, каким оно рисуется автору. В большинстве произведений подобного рода это позднесоветское детство наделяется безусловно позитивными характеристиками, и это обстоятельство побуждает к попытке изучить социальную основу произведений такого рода: нередко можно встретить мнение, что такая трактовка подразумевает коллективную, пусть коммерциализованную, ностальгию, однако стоит учитывать, что авторы этих сочинений, как правило, принадлежат уже к постсоветскому поколению, и поэтому здесь действуют иные механизмы коммеморации. С привлечением методологии *memory studies* в статье обосновывается необходимость в более пристальном исследовательском внимании к продуктам современной массовой культуры как потенциально действенным способам воображения прошлого.

Ключевые слова: история СССР, советское детство, массовая культура, альтернативная фантастика, символическая политика, память

Кирилл Михайлович Королев

Историко-культурный центр «Патрия», Санкт-Петербург

cyril.korolev@gmail.com

Если ты помнишь свое детство, значит, оно у тебя было, а все остальное — бесполезная философия. А если в один прекрасный день вместо одного детства ты вспомнишь два или три — тем лучше. От богатства, которое само в руки идет, не отказываются.

Макс Фрай. Властелин Морморы

Принято считать, что такое явление, как «коллективная» (социальная) ностальгия, становится все заметнее в современном мире и находит разнообразные выражения в нынешней массовой культуре¹. Применительно к сегодняшней России (не только к России см.: [Velikonja 2009]) эта ностальгия принимает форму «исторической тоски» [Jameson 1991, 280] по позднему СССР как своего рода «золотому веку». Эта ностальгия воплощается в обилии культурных форм и продуктов, от беллетристики до различных медиапроектов (см.: [Ностальгия 2011, СССР 2012]) и др.

Само представление о социальной ностальгии в последние десятилетия подверглось изучению и переосмыслению (ср. работы С. Бойм, Ф. Джеймисона, М. Тодоровой, Ж. Старобинского и др.); немалый вклад в это изучение внесло научное направление *memory studies* — исследований памяти. Методология *memory studies*, и в первую очередь развитие представление о множественности памятей, позволила существенно расширить аналитический аппарат изучения ностальгии — перейти от эссенциализации понятия к его инструментализации — и применить его к различным «зримым» проявлениям ностальгических чувств и иных способов коллективного воображения былого в массовой культуре.

В настоящей статье рассматривается одно из специфических жанровых направлений современной российской беллетристики, так называемая альтернативная фантастика — конкретнее, тот ее раздел, который составляют произведения, «реконструирующие» для читателей поздний Советский Союз в целом и позднесоветское детство в частности. Правомерно ли в данном случае говорить о ностальгии, побуждающей современных авторов избирать предметом описания эту пору? Или здесь следует усматривать работу иных механизмов памятования — скажем, ангажированной апроприации [Lowenthal 1985, 84]? В сетевых библиотеках и на литературных порталах далеко не всегда можно установить возраст авторов, однако кое-какие сведения все же имеются: среди них есть те, кто застал СССР — М. Королук (1963), В. Чинцов (1970), С. Сергеев

(1975) и др., но есть и группа постсоветских авторов — в частности, В. Поселягин (1981), М. Ланцов (1984), В. Мясоедов (1988) и др. А в случаях, когда год рождения не указан, для ряда авторов по самой стилистике их произведений и по тем деталям советского быта, которыми они уснащают свои тексты, можно предположить, что они родились уже «после СССР» и не столько вспоминают позднесоветскую пору, сколько ее конструируют — во многом руководствуясь, насколько можно судить, стереотипами коллективного знания.

В какой степени воображаемое представление о детской жизни в Советском Союзе, воспроизводимое нынешними литературными и иными культурными средствами, исторично, и насколько широко оно распространено среди нынешней читательской аудитории? В какой степени можно доверять коллективной памяти сообщества авторов и читателей², выражаемой через жанры массовой культуры, с точки зрения валидности общей картины и отдельных значимых элементов конструируемого этой памятью прошлого? Насколько достоверна и, главное, востребована та «советскость», которая предлагается потребителю сегодняшней массовой культурой, а в особенности — та советская «заповедная зона» детства³, которую рисуют книги, игры и фильмы наших дней? Таковы исследовательские вопросы, побудившие к написанию этой статьи.

Ностальгия, постпамять, контрпамять

Стремительное развитие сетевых информационных технологий в последние два десятилетия привело к тому, что очень многие области человеческой жизнедеятельности, ранее вполне аналоговые (доцифровые), приобрели цифровое измерение. Это справедливо и для коллективной памяти, которая уверенно дигитализируется (недаром сегодня развивается такая научная дисциплина, как *digital memory studies*⁴), и для массовой культуры, которая все больше цифровизируется — как в отношении способов тиражирования культурных продуктов, в форме электронных СМИ, электронного же книгоиздания и сетевой «инкарнации» отмершего, как еще недавно казалось, самиздата, так и с точки зрения самого культурного производства: например, такая форма массовой культуры, как сетература — самодеятельное литературное творчество, создаваемое, публикуемое и распространяемое авторами и читателями в сети Интернет, занимает в наши дни значительную долю беллетристического рынка (см: [Шуников 2021, Королев 2021]).

Поэтому при аналитическом рассмотрении любого современного культурного нарратива никак нельзя пренебрегать его цифровой составляющей, и ностальгический сюжет современной отечественной массовой культуры не является исключением (см.: [Дубин 2004, Бараш 2017]). В многочисленных сетевых библиотеках Рунета (портал Author Today, портал «Литрес» и др.⁵) всякому, кто задастся целью узнать, насколько велик интерес современных авторов к позднесоветской (т. н. брежневской) эпохе и как эти авторы указанную эпоху видят (речь не о документальных, а о художественных произведениях, в первую очередь о фантастических), не составит труда отыскать десяток-другой беллетристических текстов, посвященных данному периоду истории России и его (пере)осмыслению⁶.

Впрочем, это примета последнего десятилетия — прежде герои произведений в жанре альтернативной фантастики отправлялись по воле авторов в иные, более ранние времена, в особенности в годы Великой Отечественной войны, чтобы «переиграть» прошлое, сделать его менее драматическим для страны — пусть хотя бы в вымышленной реальности — и обеспечить России опережающее и стабильное развитие⁷. Но постепенно основные варианты быстрой и почти бескровной победы в Великой Отечественной войне были стереотипизированы и утратили оригинальность⁸, авторы стали обращаться к другим военным конфликтам, от русско-японской войны⁹ до баталий Московского царства, а то и вовсе начали отсылать своих героев в мирные времена: обычно герой оказывался в теле ребенка, но с сознанием взрослого (чтобы ему хватило предстоящей жизни на намеченные преобразования — например, цикл романов «Царь Федор» Р. Злотникова и др.), и применял знания нашего современника для ускорения развития страны сотни лет назад¹⁰. Эта «эволюция хронотопа» в конце концов воплотилась в появлении целого ряда текстов, герои которых пытаются «спасти СССР» (название цикла романов М. Королюка и цикла А. Афанасьева) от распада 1991 г. в условиях позднесоветского жизнеустройства. Почему, собственно, нынешние авторы выбирают период крушения Советского Союза в качестве «места памяти» и точки исторической бифуркации для своих «альтернативных» сюжетов? В коллективной памяти населения современной России крах 1985–1991 гг., оборвавший позднесоветский период, остается важнейшим событием довольно уже давнего прошлого, на протяжении многих лет мифологизируется, приобретает облик рубежа, за которым существовала иная — более качественная и содержательная, чем сегодняшняя — жизнь¹¹, за которым, вспоминая фольклор-

ную образность, текли молочные реки с кисельными берегами, и эта стойкая мифологизация получает свое выражение, в том числе в массовой культуре: позднесоветский опыт — опыт эпохи «развитого социализма» или, точнее, эпохи советского общества потребления [Королев 2019; Байбурин, Келли 2018] — признается референтным и воспроизводится/воображается/конструируется посредством жанров нынешней культуры в качестве опыта жизни в «золотом веке»¹². В известном смысле, налицо та самая ретротопия по З. Бауману [Бауман 2019], «воспоминание о лучшем будущем, которым мы обладали когда-то в прошлом» [Былина 2019], и потому неудивительно, что поздний СССР (точнее РСФСР, поскольку сюжеты обычно разворачиваются в столице или в провинциальных российских городах, хотя о «дружбе народов» и национальных республиках упоминания встречаются), в своих наиболее узнаваемых для современной аудитории проявлениях становится тем пространством вымысла, где разворачиваются сюжеты новых художественных произведений. Вслед за М. Хирш уместно говорить о таком социокультурном явлении, как постпамять: сегодняшние тридцатилетние и сорокалетние авторы — из числа тех, кто пытается «спасти СССР» в своих текстах, физически не могут помнить позднесоветский период хотя бы смутно, однако анализ авторства современного самиздата (в его сетевом варианте) показывает, что подобные произведения создают «поколения после» в терминологии М. Хирш [Hirsch 2008], в которых происходит «реанимация» советского во всей объемности этого понятия — в политической, экономической, культурной, общественной, бытовой областях. Следовательно, когда авторы из «поколения после» берутся описывать ту или иную манифестацию советского, логично допустить, что они опираются на рассказы старших родственников и знакомых, поживших при СССР, на советские культурные продукты (книги, фильмы), на бытующие в коллективном знании и тиражируемые в Сети стереотипы, то есть обращаются к постпамяти.

В формулировке М. Хирш постпамять — «механизм передачи травматического знания и материализованного опыта... между и внутри поколений» [Hirsch 2008, 104]¹³. Для самой Хирш травматическим знанием было знание о Холокосте, но в нашем случае таковым оказывается распад Советского Союза, который в современной альтернативной отечественной фантастике выступает рубежным событием, знание о котором служит для формирования коллективной памяти и позволяет выстраивать ретропический нарратив через инструментарий постпамяти. Так, в романе

А. Широкова «Энергеты всех стран, соединяйтесь» из цикла «СССР 2010» герой, сознание которого перенеслось в детское тело, вспоминает: «...перед мороженой не устоял... Мне удалось еще застать то самое, настоящее советское мороженое, без красителей и химии, но лишь самым краешком. И сейчас, вспоминая вкус детства, я действительно поверил, что нахожусь в СССР. Союзе, где все были равны» [Широков 2023]. Те же мысли и у героя М. Арха в романе «Лето 1977» из цикла «Регрессор в СССР»: «Небольшое количество людей на улицах. Необычное и давным-давно измененное, мутированное и позабытое чувство истинной Родины. Своей страны. Своего дома. Тут светло и тепло, а ты под защитой Великой Советской державы. Быть может вам покажется это смешным, вам — людям будущего, но тут в это верят практически все! 99 % населения, точно знают, что было вчера, что произойдет сегодня, что будет завтра, а также, что будет через 5 и через 10 лет. Тут идет планирование жизни не на один день, не на месяц, и даже не на полгода. Тут идет планирование на десятилетия» [Арх 2020].

Любопытно, что ностальгический оттенок придается даже тем особенностям позднесоветского строя, которые принято трактовать (см. [Байбурин, Келли 2018]) как заведомо негативные (предзаданная жизненная стратегия, приоритет общественного перед частным, жесткий идеологический контроль и пр.). С этой точки зрения, правы те исследователи, которые считают нынешнюю ностальгию по советскому реакцией на общую нестабильность социальных условий постсоветского мира, на «утрату доверия к общей идее прогрессивного хода истории и к прогрессистско-освободительной риторике в отсутствии реальных общественно-политических проектов» [Романова, Федорова 2021, 17]. Культурные предприниматели — литераторы, художники, музыканты, продюсеры и т. д. — откликаются на этот общественный запрос и тем укрепляют коллективную постпамять, которая постепенно становится основной версией прошлого. Современные авторы «поколения после» конструируют позднесоветское прошлое, в котором сами не жили, и немалая часть читателей из того же поколения — в том числе за счет интерактивности производства нынешней литературы, когда автор постоянно взаимодействует с читателем в процессе создания текста — присоединяется к созданию контрфактуального представления о советской повседневности, теснящего свойственные пока еще коллективному знанию представления о той эпохе. Конструкты постпамяти в современной массовой культуре во многом задаются этой же постпамятью и одновременно ее развивают.

Обилие упреков, адресуемых читателями в сетевых библиотеках современным авторам «альтернативных» текстов о позднем СССР — прежде всего применительно к тем или иным частностям повседневной позднесоветской жизни («Автор изучал СССР по пинапкартинкам»; «Автор совершенно не разбирается в реалиях 70-х. А скорее, просто врет»¹⁴) — показывает, что сейчас коллективная память в России сопротивляется натиску постпамяти, но все же складывается впечатление, что шествие «мнимой истории» продолжается и что однажды в силу естественной смены поколений постпамять может взять верх, в том числе и под влиянием еще одного «цифрового» механизма современного восприятия истории — ее геймификации.

Игры на историческом поле

Литературные попытки переписывания истории, ранее воспринимавшиеся в качестве смелого художественного приема, обусловленного творческой задачей (ср. «Янки при дворе короля Артура»), приобрели сегодня лавинообразный характер во многом под влиянием не только и не столько культурного ресентимента (во всяком случае, на российской почве), но и в связи с распространением компьютерных игр. При этом исторические и квази-исторические компьютерные игры до сравнительно недавнего времени оставались на периферии внимания исследователей, хотя наиболее знаменитая и масштабная по своему размаху игра такого рода — Civilization Сиды Мейера — появилась еще в 1991 г.¹⁵ В подобных играх у игрока имеется возможность переписать отдельные эпизоды истории человечества или даже всю историю целиком по собственному усмотрению — конечно, в пределах игровой механики, при соблюдении ограничений и выполнении условий, заложенных в сюжет игры программистами, которые в данном случае оказываются такими агентами условного «глобального репозитория» многовариантного, «квантового» прошлого. Компьютерная игра интерактивна, она позволяет не просто пассивно следить за разворачивающимся сюжетом, как в книге или в кино, но и напрямую участвовать в этом сюжете, меняя не только варианты развития, но и сюжет как таковой (сопереживание литературному / кинематографическому герою, даже «проживание» его жизни, безусловно, не сравнится по степени эмоционального воздействия на психику с «проживанием» компьютерной игры). Игрок вправе самостоятельно, несмотря

на какие-то неизбежные ограничения, конструировать мир, в котором ему, цитирую Б. Н. Стругацкого, хочется жить¹⁶.

Этот опыт моделирования реальности по игровым «лекалам» отчетливо проявляется в альтернативно-исторических текстах ряда современных российских авторов. Приключения героев этих текстов несут определенное сходство с похождениями персонажей аркадных «бродилок», вынужденных преодолевать различные препятствия на пути к цели игры, а некоторые авторы идут и того дальше, наделяя своих героев физическим бессмертием (возможностью возрождаться после очередной гибели из «сэйва»¹⁷). Вовлеченное участие, возможность «проиграть» то, чего не было на самом деле, но что могло бы произойти [Uricchio 2005, 331], наконец пошаговое прохождение сюжета, как в разнообразных ролевых играх (role-playing games, RPG) — все эти признаки свойственны многим нынешним «альтернативным» текстам, да и читатели — судя по многочисленным отзывам в сетевых библиотеках — быстро распознают указанный прием и воспринимают такие тексты как беллетризацию сценариев тех или иных игр, пускай существующих лишь на цифровой «бумаге». Так, герой, чье сознание перенеслось в прошлое, вживается в окружающий мир, посещая ряд «локаций» — дом, магазин, библиотеку, заведения общепита и пр., — получает там необходимый опыт, который позволяет ему постепенно эволюционировать в новой среде. В романе «Студент в СССР» (2022) автора под псевдонимом Ал Коруд герой отправляется в советский магазин конца 1970-х гг. — и переживает своего рода конфликт памяти: с одной стороны, он вспоминает «все кошмары советских магазинов, которые остались с детства. Сначала надо подойти к продавцу, озвучить требуемое и дожидаться, когда она его взвесит. Затем тебе следует двигаться в кассу, бубня себе под нос озвученную сумму. Бесконечные очереди за колбасой или другим дефицитом»; с другой стороны, его «детская рефлексия живо испаряется» внутри магазина: «Кассы на выходе, открытые витрины с товарами, полки, решетчатые ящики. Да ведь у нас уже ввели самообслуживание! Цивилизация приходила и в Советскую страну» [Коруд 2022].

Опыт сопоставления воображаемых конвенций дает герою «адекватную символическую форму» [Ушакин 2009, 763] для описания своего текущего состояния и перспектив развития. В игровой вселенной¹⁸ история «из учебников» совершенно утрачивает свое значение, подменяется сюжетообразующими допущениями — к примеру, проживи Ю. В. Андропов дольше, Советский Союз ожи-

дало бы иное, лучшее будущее («Спасти СССР» М. Королюка); она становится представлением об истории, одним из множества таких представлений, переходит в категорию постправды [Peters 2018], превращается в бодрийеровский симулякр и уже в этом качестве транслируется в социум. С. Ушакин предлагает считать ностальгию по советскому в современной отечественной массовой культуре «не столько злой диахронической шуткой... сколько синхроническим отражением состояния постсоветского символического (бес)порядка, а именно — исторически специфического состояния дискурсивного поля, в котором хорошо знакомые символические формы стали объектами сложных стратегий вторичной утилизации в условиях отсутствия знаков, способных адекватно отразить новую (постсоветскую) ситуацию и новый (несоветский) опыт» [Ушакин 2009, 764]. Альтернативная история позднесоветского периода широко использует эти «хорошо знакомые символические формы», применяя в качестве стратегии вторичной утилизации прием темпорального переноса, чтобы через ретротопически воссоздаваемое/воображаемое прошлое придумать настоящее и будущее.

Пионер — всем ребятам пример

Одним из «хорошо знакомых символических» образов советского детства для нынешнего коллективного знания является фигура пионера. Недаром во всех фантастических текстах, герой которых переносится в поздний СССР и попадает в детское тело, сам факт членства в пионерской организации отмечается как важнейший для развития личности в новой среде (см., например, в романе А. Федина «Честное пионерское»: «Как тебя с такой-то успеваемостью в пионеры приняли?» [Федин 2023]). Даже в тех произведениях, где разворачивается полотно ностальгических представлений о позднесоветской поре как золотом веке (авторы данных текстов являются очевидцами и «свидетелями» позднего СССР¹⁹) пионерский опыт отмечается как одна из главных примет времени, а врач и литератор В. Исаев в своей поэтической автобиографии называет пионерский галстук обязательным атрибутом советской родины:

Она является ко мне
Избою свежепобеленной
И фотографиями всей родни
Среди портретов Сталина и Ленина.
И пионерским галстуком, красной пылавших щек,

И первую бессонной ночью с книгой
Под электролампочкой... [Исаев 2017, 168]²⁰.

Пионер, иными словами, — неотъемлемая часть советской образности и советской повседневности, какой та воображается в пространстве постпамяти. Вступить в пионеры, а далее (если сюжет предусматривает такую хронологию) в комсомол, значит последовательно взрослеть при советской власти — «делать карьеру», переходить, накопив нужный запас очков, из локации в локацию, если воспользоваться терминологией компьютерных игр. Как отмечалось выше, герой, перемещаясь в детское тело в прошлом, по воле автора получает достаточно времени для вживания в минувшую эпоху, для адаптации к ней и для реализации собственных — как правило, долгосрочных и масштабных — планов. В этом отношении членство в пионерской организации — необходимый признак статуса, и показательно то, сколь прочно это представление до сих пор укоренено в современном коллективном знании (см. [Набиркина 2022] о нынешнем восприятии пионери)²¹.

Почему и зачем воображается поздний СССР?

Герой, перемещаемый современными авторами в позднесоветское прошлое, чаще всего попадает в середину и конец 1970-х или в первую половину 1980-х гг. (см. к примеру, «Вернуть СССР» В. Чинцова, «Вперед в СССР» Р. Соловьева, «Цивилизатор в СССР» И. Кулакова и др.²². (Приблизительно в ту же пору, кстати, предлагают возвратиться/переместиться современным детям и взрослым в нынешние альтернативно-позднесоветские компьютерные игры²³.) Складывается впечатление, что именно эта пора представляется авторам и сценаристам из «поколения после» тем ключевым моментом, когда вмешательство извне может видоизменить ход истории²⁴, когда развитие событий можно «переиграть» ради лучшего будущего. Велик соблазн усмотреть здесь работу постпамяти, подпитываемой рассказами старшего поколения о советском прошлом, но все же, думается, это будет некоторой натяжкой: скорее, перед нами — не мемориализация как таковая, а ангажированное, по Т. Адорно [Адорно 2001], воображение былого, или ангажированная его апроприация, по П. Левенталю.

Свидетельством тому вполне может служить следующая цитата из романа «Вернуть СССР», буквально пестрящая этими стереотипами, как и весь роман, а также наглядно отображающая

линейную, пошаговую игровую механику развития сюжета, присущую подобным текстам (орфография и стилистика первоисточника сохранены): «Все попаданцы в детское тело, о которых я читал, пытались скрыться от правительства страны, боясь разоблачения в пришествии из другого мира, все идут учиться в школу, готовы терять свое время на повторение ненужных уроков ради того, чтобы их не закрыли в недрах КГБ и не выкачивали из них информацию. По-моему, глупость полная — если ты хочешь помочь своей стране не свернуть на капиталистический путь развития с звериным лицом, о себе думать нельзя, нужно быть готовым к изоляции от общества, на принесение себя в жертву ради сохранения равенства большинства» [Чинцов 2020, гл. 1].

Объектами коммеморации позднесоветского периода и «местами памяти» в «альтернативных» текстах становятся те факты, события и фигуры прошлого, которые присутствуют в нынешнем коллективном знании — отчасти формируемом еще ностальгическими, идеализированными воспоминаниями «последнего советского поколения» [Юрчак 2021]. Благодаря тиражированию в массовой культуре мифологизированных представлений об эпохе застоя: главное отличие от наших дней — нет смартфонов и Интернета, зато в остальном имеется товарное изобилие в магазинах (хотя одновременно упоминается о дефиците и необходимости знакомства с «нужными людьми» в торговле для приобретения по-настоящему ценных для потребителя товаров — холодильников, цветных телевизоров, подписок на собрания сочинений и пр.), доступность и дешевизна еды, подлинное «братство народов» и всеобщее равенство, особое положение детворы, окруженной всеобщей заботой²⁵. Вспоминаются/воображаются политические лидеры советского периода, от генеральных секретарей ЦК КПСС и министров до секретарей обкомов и райкомов²⁶, и предотвращаются громкие преступления — скажем, заблаговременно пресекается деятельность знаменитых серийных убийц вроде А. Чикатило — и т. п. Если коротко, поздний СССР в «альтернативных» текстах — это благополучная страна и здоровое, в чем-то даже рафинированное общество, где преобладают «морально устойчивые и идеологически правильные персонажи» (из читательского отзыва на роман «Спасти СССР»²⁷); такой страной можно и нужно гордиться, такую страну можно и нужно спасать — «переигрывая» конвенциональную историю ради альтернативного проживания настоящего и воображения (лучшего, нежели видится сейчас) будущего. Популярность «альтернативных» текстов (так, по открытой статистике

только портала Author Today, роман «Вернуть СССР» прочитан — именно прочитан — более 92 000 раз, роман «Спасти СССР» — более 180 000 раз, роман «Честное пионерское» — более 112 000 раз (данные на октябрь 2023 г.) наряду с популярностью исторических компьютерных игр (серия Civilization продолжает развиваться по сей день) наглядно отражает работу ангажированного воображения культурных предпринимателей с коллективным знанием о прошлом. Прошлое апроприируется, перевоображается через конфликты памяти и конструирует реальность, в которой однажды, не исключено, былое станет выглядеть совершенно иначе, нежели написано в учебниках²⁸, тем самым «переформатируя» настоящее и будущее.

Заключение

Понятие ностальгии как общей установки на воображение минувшего оказывается не слишком пригодным для характеристики работы с прошлым, и методология *memory studies* убедительно это доказывает. Ностальгия неоднородна и пластична, она выступает своего рода «зонтичным» термином, который объединяет различные способы работы с прошлым, но вряд ли может считаться аналитическим инструментом для описания деятельности коллективной памяти. Ностальгия очевидцев того или иного события определенно отличается от ностальгии «поколения после», для которого указанное событие, в общем-то, легендарно и опосредуется культурными артефактами. Поэтому рассуждения о ностальгии по советскому как таковой в целом, без уточнения хотя бы возрастных/поколенческих характеристик аудитории, в значительной мере будут беспредметными.

Если же воспользоваться тем инструментарием, который предлагают исследователю *memory studies*, то современная «мемориальная» ситуация в отечественной массовой культуре, в этом срезе общественных настроений, окажется более понятной: постпамять поколений «после», тем более сегодня, под мощным давлением цифровизированной массовой культуры, создает такой мемориальный ландшафт, в котором становится возможным одновременное бытование разнообразных версий прошлого. Вторичная утилизация советского прошлого в современном многообразии памяти («мультипамяти») обусловлена тем «символическим (бес)порядком», который окружает постсоветского человека в дрящемся вот уже несколько десятилетий состоянии прекарности.

Примечания

- ¹ См., например, [Петров 2020], где приводится исторический обзор развития понятия и его интеллектуального наполнения.
- ² Безусловно, сами литературные произведения, которые анализируются далее в статье, являются авторскими, индивидуальными продуктами, однако их обсуждение в сетевых библиотеках и на литературных порталах (типа Author Today, где свежие тексты выкладываются поглавно, а читатели имеют возможность корректировать развитие сюжета, предлагая те или иные содержательные исправления), дают основания говорить именно о работе с коллективной памятью.
- ³ О позднесоветском детстве как «автономной поре» см. [Ушакин 2008, 14–15, Балина 2012, Kelly 2011, White 2020]. «Расхожее» представление современного человека об этом детстве выражено, например, в романе В. Поселягина «Вперед в СССР» (2021): «Сейчас (в позднем СССР — К. К.) страна больше для детей, и я собирался в полной мере насладиться своим детством».
- ⁴ «Социальная и культурная память сегодня — результат взаимодействия человека и... цифровых устройств и технологий» [Павловский 2023, 10]; см. библиографию к статье, где перечислены основные исследования в этой области, а также [Сафронова 2018 и Hoskins 2018].
- ⁵ Показательна следующая динамика: если до 2020-х гг. значительное количество «альтернативных» текстов публиковалось в книжной форме (серии издательств «Яуза», «Альфа-книга», АСТ и др.), то сегодня такие тексты появляются преимущественно в электронном варианте, в первую очередь на портале Author Today. См. обзор рынка электронных книг за текущий год на портале Tadviser: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Электронные_книги_\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Электронные_книги_(рынок_России)). Также см. отчет министерства цифрового развития о состоянии книжного рынка России за 2022 г. в (<https://digital.gov.ru/ru/documents/9076/>) и статистику посещаемости крупнейших сетевых библиотек и литпорталов Рунета (<https://author.today/post/276038>).
- ⁶ См., например, тематическую подборку текстов на портале «Литрес»: <https://www.litres.ru/tags/alternativnaya-istoriya/>. О «трансформирующей мимикрии» как способе трансляции советского опыта см.: [Ушакин 2009].
- ⁷ Подробнее об альтернативной фантастике и попытках переписать историю военных лет, а также о причинах и формах этого культурного ресентимента см.: [Королев 2015, Лобин 2016, Фрумкин 2016].
- ⁸ В самиздате последних лет, если судить по хронологической статистике публикаций на справочном портале «Лаборатория фантастики» (<https://fantlab.ru/>), перемещение героя в годы Великой Отечественной войны как основа для сюжета среди авторов маргинализируется; пожалуй, последнее по времени произведение такого рода, получившее

заметный читательский отклик, — это гепталогия М. Глебова «Запрет на вмешательство» (2019–2020), опубликованная на портале «Литрес».

- ⁹ Великая Отечественная война как «сеттинг» преобладала в российской альтернативной фантастике приблизительно с середины 2000-х по середину 2010-х гг. (см. указанную статистику «Лаборатории фантастики»), когда активно развивался в том числе альтернативно-исторический форум А. Махрова «В вихре времен» (<https://mahrov.4bb.ru/>) а во второй половине 2010-х начала мало-помалу уступать место иным сюжетно-временным «декорациям».
- ¹⁰ В базе данных портала «Лаборатория фантастики» поиск по фильтру «Альтернативная история нашего мира — Россия/СССР/Русь» находится почти 900 произведений отечественных авторов, и этот список не претендует на абсолютную полноту; конечно, далеко не все указанные произведения используют фантастический прием попадания в прошлое из нашего времени (ср., к примеру, «Евразийскую симфонию» Х. ван Зайчика, «Гравилет „Цесаревич“» В. Рыбакова или «Вариант И» В. Михайлова, в которых действие разворачивается альтернативно фактическому ходу событий, но переноса в прошлое нет — альтернативен сам мир), однако в подавляющем большинстве сочинений такого рода наблюдается именно «попаданство», перенос сознания героя в прошлое (просто постулируемый или — куда реже — получающий некое естественно-научное объяснение).
- ¹¹ См. результаты опроса ФОМ в январе 2023 г. [Яковлева 2023, ВЦИОМ 2022]. О мифологизации «застойного» периода в социальном воображении последнего советского и постсоветских поколений [Абрамов 2013, Долгов и др. 2021, Ушакин 2015, Ядова 2021].
- ¹² См. об этом также: [Романова, Федорова 2021, Шлегель 2019]. Неправоммерно сводить «историческую тоску» по позднему СССР, характерную для нынешней отечественной массовой культуры, только к полю альтернативной фантастики в сетературе: эта тема живо обсуждается в публицистике и в общественных дискуссиях, в пространстве которых регулярно конфликтуют различные версии постпамяти; позднесоветская топика актуализируется на эстраде (проект «Старые песни о главном», см. [Журкова 2020]), в документальном (проект Л. Парфенова «Намедни») и игровом кинематографе («Стиляги», «Однажды», «Исчезнувшая империя»).
- ¹³ Особой формой постпамяти, согласно М. Хирш, является контрпамять, которая «появляется внутри определенных субкультурных пространств чаще всего как ответная реакция на историческую несправедливость в отношении памяти о том или ином травматическом событии» [Хирш 2017]. Такой контрпамятью в российской альтернативной фантастике выступают многочисленные — реваншистские по сути — попытки, например, «переиграть» ход Великой Отечественной войны, о которых говорилось выше. П. Хаттон со ссылкой на М. Фуко предлагал счи-

- тать контрпамять отдельным видом памяти как таковой [Hutton 1993], но контрпамять в его формулировке очень близка предложенному позднее М. Хирш понятию постпамяти.
- ¹⁴ Из читательских отзывов на цикл Р. Дамирова «Курсант. Назад в СССР» (2022–2023, <https://author.today/work/series/22267>).
- ¹⁵ Сегодня эта игра выросла в полноценную серию. О механике игры Civilization см. [Королев 1996]. Об исторических компьютерных играх см. [Kapell, Elliott 2013, Howanitz 2013, Kansteiner 2007].
- ¹⁶ Эту фразу Б. Н. Стругацкий часто произносил на своем литературном семинаре, на заседаниях которого автору статьи довелось регулярно присутствовать в 1997–1999 гг.
- ¹⁷ Пожалуй, первым «компьютеризованным» текстом современной отечественной литературы следует считать «Принца Госплана» В. Пелевина (1991) — беллетризацию компьютерной игры Prince of Persia.
- ¹⁸ Отдельные теоретики медиа называют компьютерную игру «обобщенным произведением искусства» (Gesamtkunstwerk, [Bergande 2015]), поскольку в ней сочетаются текст, визуальная составляющая, музыка, игровая механика и код. Подробнее см. [Beil et al. 2018].
- ¹⁹ Ср. такие тексты, как «Советство» (2021) и «Советство 2» (2022) Ю. Полякова, «Жизнь замечательных времен» (2004) и «Наше лучшее детство» (2021) Ф. Раззакова, «Мое советское детство» (2021) Шимуна Врочека (Д. Овчинникова), эпизоды из «Людей в голом» (2009) А. Аствацатурова, «Город Брежнев» (2017) Ш. Идиатуллина и др. Ю. Поляков в предисловии к «Советству» признается, что писал свои книги «с трепетом, погружаясь сердцем в живую воду памяти, извлекая из глубин сознания милые мелочи минувшего»; с годами «многое забылось, исказилось, покрылось домыслами, а что-то преобразилось под поздними впечатлениями до неузнаваемости» (сделалось постправдой, скажем мы), но в целом эти воспоминания — достоверные «слепки» действительности, беллетризованные исторические документы.
- ²⁰ Об этом и других символах позднесоветской поры подробнее см. [Сипко 2019].
- ²¹ Маститый профессиональный писатель А. Иванов, автор «пионерского триллера» «Пищеблок» (2018), экранизированного три года спустя в форме сериала (второй сезон — 2023) — о вампирах в позднесоветском пионерском лагере, — отдает должное коллективной памяти и возможности переписывания и «переигрывания» фактической истории для создания «адекватных символических форм»; в интервью он характеризует советское прошлое так: «Видите ли, на самом деле Советских Союзов было как минимум три. Один — солнечная страна детства, которую вспоминают с нежностью. Второй — социальное государство, в меру сил заботившееся о своих гражданах. Третий — идеологическая машина, подавляющая свободу личности. У меня есть ностальгия по детству, я уважаю социальные достижения государства,

- но категорически против идеологического прессинга» [Иванов 2022].
О советском пионерлагере как «месте страха» см., например, [Куприянов 2020, Маслинская 2015].
- ²² Отмечу здесь, что подавляющее большинство авторов нынешних «альтернативок» — мужчины, женские тексты такого рода встречаются крайне редко, да и то обыкновенно в жанре любовно-фантастического романа, чрезвычайно популярного в современной отечественной сетературе; это обстоятельство побуждает задуматься о гендерном измерении работы с прошлым в массовой культуре. О последнем см.: [Atterbery 2002].
- ²³ Ср., например, такие игры, как «Детство СССР» (или Kid of USSR), «Путешествие в СССР», «Ностальгия СССР», «Логотипы СССР», «USSR Simulator», «Назад в СССР» и др.
- ²⁴ Быть может, имеются исключения, не попавшие в мое поле зрения, но во всем наборе произведений сюжетной сетературы в жанре альтернативной фантастики, послуживших источниками для настоящей статьи, не удалось выявить текстов, где учитывались бы и художественно описывались структурные социально-экономические и социально-политические деформации и системные трансформации, которые привели к краху СССР; обычно все преобразования сводятся к устранению/«перевоспитанию» тех или иных политических фигур, которые, по мнению авторов, несут ответственность за сохранение советского строя. О структурных деформациях и тенденциях см., например, работы А. Шубина: [Шубин 2001, Шубин 2008].
- ²⁵ Насколько можно судить по отсутствию прямых цитат, ссылок и даже завуалированных переключек и споров с былыми прецедентными текстами, авторы анализируемых текстов совершенно незнакомы с советской детской литературой: им неведомы имена и произведения В. Крапивина, В. Драгунского, В. Козлова и других советских детских писателей, в текстах которых «золотая пора» детства в позднем СССР рисуется зримо и выпукло; свои представления о советском они черпают из коллективного знания, как и многие нынешние авторы славянского фэнтези, которым оказывается достаточно «приобщения» к фольклорной топике в рамках школьной программы и знакомства с советским и постсоветским сказочным кино (подробнее об этом см. [Королев 2019]). В результате из такого знания, неизбежно искаженного позднейшими напластованиями и пропагандистскими штампами, рождаются комичные образы — например, у одного автора 5-летний ребенок с сознанием взрослого самостоятельно записывается в районную детскую библиотеку и читает в ней газету «Правда». Ср. также мнения современных детей о позднесоветском детстве: «Советским детям с ранних лет говорили, что они должны учиться и работать, а играть совсем не надо. И дети не играли, а только учились и работали. Еще все дети одевались в одинаковую одежду... Хотя в принципе, мне

кажется, это хорошо... В СССР были очень забытые дети»; «Мне жалко советских детей. У них не было компьютеров, не было игрушек. Взрослые им всегда говорили, что надо много работать. А когда надо было отдыхать, взрослые говорили им сходить погулять. Дети постоянно ходили по улицам. Это было единственное развлечение для детей» [Иванский 2002, 13].

- ²⁶ Эти фигуры тоже предстают шаблонными, стереотипными; ср.: «Вполне себе приличный и достойный человек, настоящая рабочая аристократия, не только чesавший языком положенную скороговорку на партсобраниях, но и решавший реальные проблемы района и сам работавший на разных ступенях, начиная с помощника машиниста еще когда-то паровозного депо» [Кулаков 2023].
- ²⁷ Портал Author Today, <https://author.today/work/24429>. Но встречаются и противоположные мнения: «Достали уже с этим СССРом. Вымер он как мамонт и не нужен никому» — читательский отзыв на роман «Вперед в СССР» С. Савинова на том же портале.
- ²⁸ Ср. в этой связи общественную дискуссию о новом учебнике истории для российской старшей школы: [Никифоров 2023].

Литература

Источники

Арх 2020 — Арх М. Регрессор в СССР // Author Today: электронная библиотека. URL: <https://author.today/u/maxis1812>.

Афанасьев 2021 — Афанасьев А. Спасти СССР // Samlib: электронная библиотека. URL: http://samlib.ru/a/afanasiev_a_w/.

Дамиров 2022 — Дамиров Р. Курсант. Назад в СССР // Author Today: электронная библиотека. URL: <https://author.today/work/series/22267>.

Королюк 2014 — Королюк М. Спасти СССР // Author Today: электронная библиотека. URL: <https://author.today/work/12859>.

Коруд 2022 — Коруд Ал. Студент в СССР // Author Today: электронная библиотека. URL: <https://author.today/u/mych671>.

Кулаков 2023 — Кулаков И. Цивилизатор в СССР // Author Today: электронная библиотека. URL: <https://author.today/work/275401>.

Поселягин 2021 — Поселягин В. Вперед в СССР // Samlib: электронная библиотека. URL: http://samlib.ru/p/poseljagin_w_g/.

Савинов 2023 — Савинов С. Вперед в СССР // Author Today: электронная библиотека. URL: https://author.today/u/sergey_a_savinov.

Соловьев 2019 — Соловьев Р. Вперед в СССР // Author Today: электронная библиотека. URL: <https://author.today/u/id16106121>.

Федин 2023 — Федин А. Честное пионерское // Author Today: электронная библиотека. URL: <https://author.today/work/279214>.

Чинцов 2020 — Чинцов В. Вернуть СССР // Author Today: электронная библиотека. URL: <https://author.today/work/57719>.

Широков 2023 — Широков А. СССР 2010 // Author Today: электронная библиотека. URL: <https://author.today/u/alleksh>.

Исследования

Абрамов 2013 — Абрамов Р. Н. Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия? // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.

Адорно 2001 — Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001.

Байбурин, Келли 2018 — Байбурин А., Келли К. Эпоха Брежнева в антропологической ретроспективе // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 11–19. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-11-19.

Балина 2012 — Балина М. Литературная репрезентация детства в советской и постсоветской России // Детские чтения. 2012. № 1 (1). С. 43–66.

Бараш 2017 — Бараш Р. Э. О некоторых причинах советской ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5, вып. 4 (20). С. 124–151. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5523.

Бауман 2019 — Бауман З. Ретроопия. М.: ВЦИОМ, 2019.

Былина 2019 — Былина Е. Конец утопии // Colta: интернет-издание. 2019. 28 авг. URL: https://www.colta.ru/articles/music_modern/22232-konets-utopii.

ВЦИОМ 2022 — ВЦИОМ Новости. 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? // Портал ВЦИОМ. 2022. 30 дек. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja>.

Долгов и др. 2021 — Долгов А. Ю., Мелешкина Е. Ю., Толпыгина О. А. От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений // Политическая наука. 2021. № 1. С. 245–273.

Дубин 2004 — Дубин Б. В. «Кровавая» война и «великая» победа // Отечественные записки. 2004. № 5 (20). С. 68–84.

Журкова 2020 — Журкова Д. А. Телепроект «Старые песни о главном»: судьба ностальгии в контексте постсоветской культуры // Художественная культура. 2020. № 2. С. 264–286.

Иванский 2002 — Иванский А. «Они были бедные, но мысли у них были богатые». Дети об СССР // Огонек. 2002. № 18 (4746), апрель. С. 3, 13.

Иванов 2022 — Иванов А. «На самом деле Советских Союзов было как минимум три». Интервью с писателем А. Ивановым // Реальное время:

веб-портал. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/122394-intervyu-pisatelya-alekseya-ivanova>.

Исаев 2017 — Исаев В. В неведомое заглядывает душа. Из цикла «Родина» // Наш современник. 2017. № 6. С. 167–169.

Королев 1996 — Королев К. М. Здравствуйте, товарищ Монтесума! // Если. 1996. № 2. С. 75–76.

Королев 2015 — Королев К. М. «Достойны ли мы отцов и дедов?»: Великая Отечественная война и современная российская фантастика // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 2 (23), июнь. С. 6–12.

Королев 2019 — Королев К. М. Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре: Славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве. СПб.: Нестор-история, 2019.

Королев 2021 — Королев К. М. «Передайте это Гарри Поттеру, если вдруг его встретите»: фантастическая фан-фикшн как постфольклор интернет-эпохи // Детские чтения. 2021. № 1 (19). С. 281–300. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-1-19-281-300.

Кун 2020 — Кун М. Образ позднесоветского пионерского лагеря в произведениях российской массовой культуры 2010-х годов // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 5. С. 85–93. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-85-93.

Куприянов 2020 — Куприянов Б. В. Детско-взрослые конвенции советского прошлого (по материалам современных воспоминаний о пионерском лагере 60-х — 80-х гг. XX в.) // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2020. Вып. 56. С. 41–56.

Лобин 2016 — Лобин А. М. К вопросу об эволюции авторских концепций истории в научной фантастике XX–XXI вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 28–30.

Маслинская 2015 — Маслинская С. Г. Новые чудовищные места: пионерский лагерь в современной детской литературе // Топографии популярной культуры. М.: Издательство НЛЮ, 2015. С. 165–180.

Набиркина 2022 — Набиркина М. Опрос: Россияне назвали ценности пионерии, актуальные сегодня // Российская газета: электронное издание. 18.05.2022. URL: <https://rg.ru/2022/05/18/opros-rossiiane-nazvali-cennosti-pionerii-aktualnye-segodnia.html>.

Никифоров 2023 — Никифоров Ю. Что стоит за «правым» и «левым» уклонами в критике нового учебника истории // Российская газета: электронное издание. 10.10.2023. URL: <https://rg.ru/2023/10/10/chto-stoit-za-pravym-i-levym-uklonami-v-kritike-novogo-uchebnika-istorii.html>.

Ностальгия 2011 — Ностальгия по советскому: [сборник статей]. Томск: Изд-во Томского университета, 2011.

Опрос 2018 — Хотят ли россияне вернуться в СССР? Опрос ОТР, онлайн-версия. URL: <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/hotyati-rossiyane-vernutsya-v-sssr-nash-opros-zriteley-otr-s-kommentariyami-politologa-i-ekonomista-39711.html>.

Павловский 2023 — Павловский А. Ф. Цифровые рамки коллективной памяти: куда ведет цифровой поворот в memory studies? // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies / под ред. А. Ф. Павловского и А. И. Миллера. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2023. С. 7–48.

Петров 2020 — Петров А. Носталгија као савремени културни феномен // Сборник Матице српске за друштвене науке. Нови Сад, 2020. Вып. 173 (1). С. 37–49.

Петухова, Черный 2003 — Петухова Е., Черный И. Романы «криптоистории» // Современный русский историко-фантастический роман / Е. Петухова, И. Черный. М.: Мануфактура, 2003. С. 83–128.

Проханов 2023 — Проханов А. А. Ермаку и Ермолову — слава! // Завтра.Ру: авторский блог газеты. 2023. 25 сент. URL: https://zavtra.ru/blogs/ermaku_i_ermolovu_slava.

Романова, Федорова 2021 — Романова А. П., Федорова М. М. «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 1. С. 6–18. DOI: 10.31429/26190567-22-1-6-18.

Сафронова 2018 — Сафронова Ю. А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–26.

Сипко 2019 — Сипко Й. СССР — только репрессии, деформации, застои? // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 193–201.

СССР 2012 — СССР: Жизнь после смерти: [сборник статей] / под ред. И. Глущенко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

Ушакин 2008 — Ушакин С. В. «Мы в город изумрудный идем дорогой трудной»: маленькие радости веселых человечков // Веселые человечки: Культурные герои советского детства / [сост. и ред. И. Кукулин и др.]. М.: НЛО, 2008. С. 9–60.

Ушакин 2009 — Ушакин С. В. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 (100). С. 760–792.

Ушакин 2015 — Ушакин С. В. «Мы у прошлого не учимся, мы им живем» (беседа И. Костериной с С. Ушакиным) // Неприкосновенный запас. 2015. № 4 (102). Электронная версия. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nerprikosnovennuyu_zapas/102_nz_4_2015/article/11578/.

- Форум 2013* — Кто такой читатель СИ?: опрос // Форум хранителей: путеводитель по мирам фэнтези и фантастики: интернет-форум. URL: https://www.kubikus.ru/forum/topic.asp?TOPIC_ID=9764&FORUM_ID=49&CAT_ID=5.
- Фрумкин 2016* — Фрумкин К. Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти // Историческая экспертиза. 2016. № 4. С. 17–28.
- Хирш 2017* — Хирш М. Память и контрпамять будущего: конспект лекции Марианны Хирш / записала Е. Суверина // Лаборатория публичной истории: [сайт]. 2017. 18 авг. URL: <http://publichistorylab.ru/archives/424>.
- Шлегель 2019* — Шлегель Е. В. Ностальгия по непрожитому: привлекательность мифа о советском прошлом для поколения Z // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 3(26). С. 87–93.
- Шубин 2001* — Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
- Шубин 2008* — Шубин А. В. Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М.: Вече, 2008.
- Шуников 2021* — Шуников В. Л. Русская литература в цифровую эпоху // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 3. С. 102–114. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-3-102-114.
- Юрчак 2021* — Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
- Ядова 2021* — Ядова М. А. «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5. С. 231–246. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12.
- Яковлева 2023* — Яковлева Е. Опрос ФОМ: 80 процентов россиян считают эпоху СССР хорошим временем, 63 процента сожалеют о его распаде // Портал RGRU. 2023. 17 янв. URL: <https://rg.ru/2023/01/17/opros-fom-80-procentov-rossii-an-schitaiut-epohu-sssr-horoshim-vremenem-63-procenta-sozhaleiut-o-ego-raspade.html>.
- Atterbery 2002* — Atterbery B. Decoding Gender in Science Fiction. London: Psychology Press, 2002.
- Beil et al. 2018* — Beil B. et al. Game Studies. Berlin: Springer, 2018. (Film, Fernsehen, Neue Medien).
- Bergande 2014* — Bergande W. The creative destruction of the total work of art. From Hegel to Wagner and beyond // The death and life of the total work of art / C. Ruhl, C. Dähne, K. Hoekstra (eds.). Berlin: Jovis, 2015. Pp. 128–145.
- Hirsch 2008* — Hirsch M. The Generation of Postmemory // Poetics Today. 2008. No. 29 (1). Pp. 103–128. DOI: 10.1215/03335372-2007-019.

Hoskins 2018 — Hoskins A. Memory of the Multitude: The End of Collective Memory // Digital Memory Studies: Media Past in Transition / Hoskins A. (ed.). New York, London: Routledge, 2018. Pp. 85–109.

Howanitz 2013 — Howanitz G. Repeating History? The Computer Game as Historiographic Device // Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States / E. Rutten, J. Fedor, V. Zvereva (eds.). London: Routledge, 2013. Pp. 192–196.

Hutton 1993 — Hutton P. H. History as an Art of Memory. Hanover, London: UPNE, 1993.

Jameson 1991 — Jameson F. Nostalgia for the Present // Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism / F. Jameson. Durham, SC: Duke University Press, 1991. Pp. 279–296.

Kansteiner 2007 — Kansteiner W. Alternate Worlds and Invented Communities: History and Historical Consciousness in the Age of Interactive Media // Manifests for History / S. Morgan, K. Jenkins, A. Munslow (eds). London: Routledge, 2007. Pp. 131–148.

Kapell, Elliott 2013 — Kappel M., Elliott A. Playing with the Past: Digital Games and the Simulation of History. New York: Bloomsbury Publ., 2013.

Kelly 2011 — Kelly C. A Joyful Soviet Childhood: Licensed Happiness for Little Ones // Petrified Utopia: Happiness Soviet Style / M. Balina, E. Dobrenko (eds.). London: Anthem, Press, 2011. Pp. 3–18.

Lowenthal 1985 — Lowenthal D. The Past is a Foreign Country. New York: Cambridge University Press, 1985.

Peters et al. 2018 — Michael P., Rider Sh., Hyvönen M., Besley T. Post-Truth, Fake News: Viral Modernity & Higher Education. Berlin: Springer, 2018.

Uricchio 2005 — Uricchio M. Simulation, History and Computer Games // Handbook of Computer Game Studies / J. Raessens, J. Goldstein (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 2005. Pp. 327–338.

Velikonja 2009 — Velikonja M. Lost in Transition: Nostalgia for Socialism in Post-Socialist Countries // East European Politics & Societies. 2009. Vol. 23, № 4. Pp. 535–551. DOI: 10.1177/0888325409345140.

White 2020 — White E. A Modern History of Soviet Childhood: From the Late Imperial Period to the Collapse of the Soviet Union. London: Bloomsbury, 2020.

References

Abramov 2013 — Abramov, R. (2013). Muzeifikacija sovetского. Istoricheskaja travma ili nostalg'gija? [Museification of the Soviet: a historical trauma or a nostalgia?]. Chelovek, 5, 99–111.

- Adorno 2001* — Adorno, T. (2001). *Ästhetische Theorie* (ed. G. Adorno und R. Tiedemann). Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. (In Russian).
- Atterbery 2002* — Atterbery B. (2002). *Decoding Gender in Science Fiction*. London: Psychology Press.
- Bajburin, Kelli 2018* — Bajburin, A., Kelli, K. (2018). Jepoha Brezhneva v antropologicheskoj retrospektive [The Brezhnev Era in the light of anthropological retrospective]. *Antropologicheskij forum*, 37, 11–19. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-37-11-19.
- Balina 2012* — Balina, M. (2012). Literaturnaja reprezentacija detstva v sovetskoj i postsovetskoj Rossii [Literary representation of childhood in the Soviet and post-Soviet Russia]. *Detskie chtenia*, 1 (1), 43–66.
- Barash 2017* — Barash, R. Je. (2017) O nekotoryh prichinah sovetskoj nostal'gii i osobennostjeh istoricheskoi pamjati rossijan o sovetskom periode [On some reasons of Soviet nostalgia and specific traits of Russian historical memory concerning the Soviet era]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 5, 4 (20), p. 124–151. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5523.
- Bauman 2019* — Bauman, Z. (2019). *Retrotopia*. Cambridge: Polity. (In Russian).
- Beil et al. 2018* — Beil, B. et al. (2018). *Game Studies*. Berlin: Springer. (Film, Fernsehen, Neue Medien).
- Bergande 2014* — Bergande, W. (2014). The creative destruction of the total work of art. From Hegel to Wagner and beyond. In C. Ruhl, C. Dähne, K. Hoekstra (Eds.), *The death and life of the total work of art* (pp. 128–145). Berlin: Jovis.
- Bylina 2019* — Bylina, E. (2019). Konec utopii [The end of Utopia]. Colta: online edition. 2019. 28 avg. Retrieved from: https://www.colta.ru/articles/music_modern/22232-konets-utopii.
- Dolgov i dr. 2021* — Dolgov, A., Meleshkina, E., Tolpygina, O. (2021). Ot nostal'gii k osmysleniju nastojashhego: SSSR v predstavlenijah raznyh pokolenij [From nostalgia to the reflection of now: USSR as seen by various generations]. *Politicheskaja nauka*, 1, 245–273.
- Dubin 2004* — Dubin, B. V. (2004). “Krovavaja” vojna i “velikaja” pobeda [The “bloody” war and the “great” victory]. *Otechestvennye zapiski*, 5 (20), 68–84.
- Forum 2013* — Kto takoj chitatel' SI?: opros (2013). [Who is the reader? The poll]. *Forum hranitelej: putevoditel' po miram fjentezi i fantastiki: internet-forum*. Retrieved from: https://www.kubikus.ru/forum/topic.asp?TOPIC_ID=9764&FORUM_ID=49&CAT_ID=5.
- Frumkin 2016* — Frumkin K. (2016). Al'ternativno-istoricheskaja fantastika kak forma istoricheskoi pamjati [Alternative history SF as a form of historical memory]. *Istoricheskaja jekspertiza*, 4, 17–28.

- Hirsch 2008* — Hirsch M. (2008). The Generation of Postmemory. *Poetics Today*, 29 (1), p. 103-128. DOI: 10.1215/03335372-2007-019.
- Hirsh 2017* — Hirsh, M. (2017). Pamjat' i kontrpamjat' budushhego: konspekt lekicii Marianny Hirsh [The memory and post-memory of the future: a lecture transcript] (written down by E. Suverina). *Laboratorija publichnoj istorii*: [website]. 18 Aug. Retrieved from: <http://publichistorylab.ru/archives/424>.
- Hoskins 2018* — Hoskins, A. (2018). Memory of the Multitude: The End of Collective Memory. In A. Hoskins (Ed.), *Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition* (pp. 85–109). New York, London: Routledge.
- Howanitz 2013* — Howanitz, G. (2013). Repeating History? The Computer Game as Historiographic Device. In E. Rutten, J. Fedor, V. Zvereva (Eds.), *Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States* (pp. 192–196). London: Routledge.
- Hutton 1993* — Hutton, P. H. (1993). *History as an Art of Memory*. Hanover, London: UPNE.
- Isaev 2017* — Isaev, V. (2017). V nevedomoe zagljadyvaet dusha. Iz cikla “Rodina” [“Into the unknown my soul is striving...”]. *Nash sovremennik*, 6, 167–169.
- Ivanov 2022* — Ivanov, A. (2022). “Na samom dele Sovetskih Sojuzov bylo kak minimum tri”. Interv’ju s pisatelem A. Ivanovym [“Indeed, there were at least three Soviet Unions”. A talk with Alexei Ivanov]. *Real’noe vremja*: web-site. Retrieved from: <https://realnoevremya.ru/articles/122394-intervyu-pisatelya-alekseya-ivanova>.
- Ivanskij 2002* — Ivanskij, A. (2002). “Oni byli bednye, no myslj u nih byli bogatyje”. *Deti ob SSSR* [“They were poor, but had big thoughts”. Children on the USSR]. *Ogonyok*, 18 (4746), 3, 13.
- Jadova 2021* — Jadova, M. A. (2021). “Ne po proshlomu nostal’gija, nostal’gija po nastojashemu”: postsovetskaja molodezh’ o raspade SSSR [“Not of the past we are dreaming, but for the present”: the post-Soviet youths on the collapse of the USSR]. *Kontury global’nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*, 14, 5, 231-246. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12.
- Jakovleva 2023* — Jakovleva, E. (2023). Opros FOM: 80 procentov rossijan schitajut jepohu SSSR horoshim vremenem, 63 procenta sozhalejut o ego raspade [The poll: 80 percent of Russians feel the USSR period was good and 63 percent pity the collapse]. *Portal RGRU*, 17 Jan. Retrieved from: <https://rg.ru/2023/01/17/opros-fom-80-procentov-rossiian-schitaiut-epohu-sssr-horoshim-vremenem-63-procenta-sozhaleiut-o-ego-raspade.html>.
- Jameson 1991* — Jameson, F. (1991). Nostalgia for the Present. In F. Jameson (Ed.), *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism* (pp. 279–296). Durham, SC: Duke University Press.

Kansteiner 2007 — Kansteiner, W. (2007). Alternate Worlds and Invented Communities: History and Historical Consciousness in the Age of Interactive Media. In S. Morgan, K. Jenkins, A. Munslow (Eds.), *Manifests for History* (pp. 131–148). London: Routledge.

Kapell, Elliott 2013 — Kappel, M., Elliott, A. (2013). *Playing with the Past: Digital Games and the Simulation of History*. New York: Bloomsbury Publ.

Kelly 2011 — Kelly, C. (2011). A Joyful Soviet Childhood: Licensed Happiness for Little Ones. In M. Balina, E. Dobrenko (Eds.), *Petrified Utopia: Happiness Soviet Style* (pp. 3–18). London: Anthem, Press.

Korolev 1996 — Korolev, C. (1996). Zdravstvujte, tovarishh Montesuma! [Hello, comrade Monexuma!]. *Esli*, 2, 75–76.

Korolev 2015 — Korolev, C. (2015). “Dostojny l’ my otcov i dedov?”: Velikaja Otechestvennaja vojna i sovremennaja rossijskaja fantastika [“Are we equal to our dads and peers?”: the Great Patriotic war and current Russian SF]. *Vestnik SPbGUKI*, 2 (23), 6–12.

Korolev 2019 — Korolev, C. (2019). Poiski nacional’noj identichnosti v sovet-skoy i postsovetsoj massovoj kul’ture: Slavjanskij metasjuzhet v otechestvennom kul’turnom prostranstve [The quest for national identity in the Soviet and post-Soviet popular culture: the Slavic metaplot in the domestic cultural space]. Saint-Petersburg: Nestor-istorija, 2019.

Korolev 2021 — Korolev, C. (2021). “Peredajte jeto Garri Potteru, esli vdrug ego vstretite”: fantasticheskaja fan-fikshn kak postfol’klor internet-jepohi [“Tell it to Harry Potter, would you suddenly meet him”]: SFF fan fiction as a post-folklore genre of the WWW age]. *Detskie chtenia*, 1(19), 281–300. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-1-19-281-300.

Kun 2020 — Kun, M. (2020). Obraz pozdnesovetskogo pionerskogo lagerja v proizvedenijah rossijskoj massovoj kul’tury 2010-h godov [The image of post-Soviet pioneer camp in the 2010s Russian popular culture works]. *Gumanitarnyj vector*, 15, 5, p. 85–93. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-85-93.

Kuprijanov 2020 — Kuprijanov, B. (2020). Detsko-vzroslye konvencii sovet-skogo proshlogo (po materialam sovremennyh vospominanij o pionerskom lagere 60-h-80-h gg. XX v.) [Kid and adult conventions of the Soviet past (from current memories on pioneer camps in 1960s-1980s)]. *Vestnik PSTGU. Serija IV: Pedagogika. Psihologija*, 56, 41–56.

Lobin 2016 — Lobin, A. (2016). K voprosu ob jevoljucii avtorskih koncepcij istorii v nauchnoj fantastike XX-XXI vekov [To the evolution of creative history views in the 20th and 21st century SF]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1–2 (55), 28–30.

Lowenthal 1985 — Lowenthal, D. (1985). *The Past is a Foreign Country*. New York: Cambridge University Press.

Maslinskaia 2015 — Maslinskaia, S. (2015). Novye chudovishhnye mesta: pionerskij lager' v sovremennoj detskoj literature [New fearful places: a pioneer camp in the current children literature]. In *Topografii populjarnoj kul'tury* (pp. 165–180). Moscow: Izdatel'stvo NLO.

Nabirkina 2022 — Nabirkina, M. (2022). Opros: Rossijane nazvali cennosti pionerii, aktual'nye segodnja [The poll: Russians have named the pioneer values meaningful for today]. *Rossijskaja gazeta: web edition*, 18.05.2022. Retrieved from: <https://rg.ru/2022/05/18/opros-rossiiane-nazvali-cennosti-pionerii-aktualnye-segodnia.html>.

Nikiforov 2023 — Nikiforov, Y. (2023). Chto stoit za "pravym" i "levym" ukлонami v kritike novogo uchebnika istorii [What is the jest behind the 'rightist' and "leftist" critics of the new history schoolbook]. *Rossijskaja gazeta: web edition*, 10.10.2023. Retrieved from: <https://rg.ru/2023/10/10/cto-stoit-za-pravym-i-levym-uklonami-v-kritike-novogo-uchebника-istorii.html>.

Nostal'gija 2011 — Nostal'gija po sovetскому: sbornik statej (2011). [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta.

Opros 2018 — Hotjat li rossijane vernut'sja v SSSR? (2018). [The poll: do Russians want to come back to the USSR?] An OTR poll, online. Retrieved from: <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/hotyat-li-rossiyane-vernutsya-v-sssr-nash-opros-zriteley-otr-s-komentarijami-politologa-i-ekonomista-39711.html>.

Oushakine 2008 — Oushakine, S. (2008). "My v gorod izumrudnyj idem dorogoj trudnoj": malen'kie radosti veselyh chelovechkov ["To the Emerald city we are marching by off-beaten path"]. In I. Kukul'in at al. (Ed.), *Veselye chelovechki: Kul'turnye geroi sovetskogo detstva* (pp. 9–60). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Oushakine 2009 — Oushakine, S. (2009). Byvshee v upotreblenii: Postsovet'skoe sostojanie kak forma afazii [Used: the post-Soviet state of mind as a form of aphasia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6 (100), 760–792.

Oushakine 2015 — Oushakine, S. (2015). "My u proshlogo ne uchimsja, my im zhivem" (beseda I. Kosterin'oj s S. Ushakinym) ["We don't learn from the past, we are living in it": a talk with Serguei Oushakine]. *Neprikosnennyj zapas*, 4 (102), Retrieved from: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnennyj_zapas/102_nz_4_2015/article/11578/.

Pavlovskij 2023 — Pavlovskij, A. (2023). Cifrovyje ramki kollektivnoj pamjati: kuda vedet cifrovoj povorot v memory studies? [Digital limits of collective memory: what is the direction of the digital turn in memory studies?]. In A. F. Pavlovskij, A. I. Miller (Eds.), *Pamjat' v Seti: cifrovoj povorot v memory studies* (pp. 7–48). St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Peters et al. 2018 — Michael, P., Rider, Sh., Hyvönen, M., Besley, T. (2018). *Post-Truth, Fake News: Viral Modernity & Higher Education*. Berlin: Springer.

Petrov 2020 — Petrov, A. (2020). Nostalgija kao savremeni kulturni fenomen. Zbornik Matice srpske za drushtvene nauke, 173 (1), 37–49.

Petuhova, Chernyj 2003 — Petuhova, E., Chernyj, I. (2003). Romany “kriptoistorii” [The cryptohistory novels]. In E. Petuhova, I. Chernyj (Eds.), *Sovremennyj russkij istoriko-fantasticheskij roman* (pp. 83–128). Moscow: Manufaktura.

Prohanov 2023 — Prohanov, A. (2023). Ermaku I Ermolovu — slava! [Hail to Ermak and Ermolov!]. *Zavtra.Ru: the author's blog*, 25.09.23. Retrieved from: https://zavtra.ru/blogs/ermaku_i_ermolovu_slava.

Romanova, Fedorova 2021 — Romanova, A. P., Fedorova, M. M. (2021). “Sovetskaja nostalgija” nesovetskogo cifrovogo pokolenija [The Soviet nostalgia of a non-Soviet digital generation]. *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*, 22, 1, 6-18. DOI: 10.31429/26190567-22-1-6-18.

Safronova 2018 — Safronova, Ju. A. (2018). Tret'ja volna memory studies: dvadcat' tri goda protiv shersti [The third wave of memory studies: twenty-three years against the grain]. *Politicheskaja nauka*, 3, 12–26.

Shlegel' 2019 — Shlegel', E. V. (2019). Nostal'gija po neprozhitomu: privlekatel'nost' mifa o sovetskom proshlom dlja pokolenija Z [The Soviet nostalgia: the alluring myth of the Soviet past for the generation Z]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, 3 (26), 87–93.

Shubin 2001 — Shubin, A. V. (2001). Ot “zastoya” k reformam. SSSR v 1977–1985 gg. [From the zastoy to the reforms. USSR in 1977–1985]. Moscow: ROSSPJeN.

Shubin 2008 — Shubin, A. V. (2008). Zolotaja osen', ili Period zastoya. SSSR v 1975–1985 gg. [The Golden autumn, or the zastoy era. USSR in 1975–1985]. Moscow: Veche.

Shunikov 2021 — Shunikov, V. L. (2021). Russkaja literatura v cifrovuju jepohu [Russian literature in the digital age]. *Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija*, 3, 102-114. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-3-102-114.

Sipko 2019 — Sipko, J. (2019). SSSR — tol'ko repressii, deformacii, zastoj? [USSR — just repressions, deformations and zastoy?]. *Politicheskaja lingvistika*, 5 (77), 193–201.

SSSR 2012 — Glushhenko, I. (Ed.). (2012). SSSR: Zhizn' posle smerti: [sbornik statej] [The USSR: life after death]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly jekonomiki.

Uricchio 2005 — Uricchio, M. (2005). Simulation, History and Computer Games. In J. Raessens, J. Goldstein (Eds.), *Handbook of Computer Game Studies* (pp. 327–338). Cambridge, MA: MIT Press.

VCIOM 2022 — VCIOM Novosti. 100 let SSSR: zabyt' nel'zja vernut'sja? [USSR, the 100th Anniversary: forget or never to come back?] // Portal

VCIOM. 2022. 30 dek. Retrieved from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja>.

Velikonja 2009 — Velikonja, M. (2009). Lost in Transition: Nostalgia for Socialism in Post-Socialist Countries. *East European Politics & Societies*, 23, 4, 535–551. DOI: 10.1177/0888325409345140.

White 2020 — White, E. (2020). *A Modern History of Soviet Childhood: From the Late Imperial Period to the Collapse of the Soviet Union*. London: Bloomsbury.

Yurchak 2021 — Yurchak, A. V. (2021). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Zhurkova 2020 — Zhurkova, D. (2020). Teleproekt “Starye pesni o glavnom”: sud’ba nostal’gii v kontekste postsovetskoj kul’tury [The Old songs about the main things TV project: the destiny of nostalgia in the post-Soviet culture]. *Hudozhestvennaja kul’tura*, 2, 264–286.

Cyril M. Korolev

The Patria Center for History and Culture; ORCID: 0000-0001-8831-2970

BACK TO THE USSR, OR GAMES OF QUASI-HISTORICAL
IMAGINATION: FICTITIOUS LATE SOVIET CHILDHOOD IN
CONTEMPORARY RUSSIAN POPULAR CULTURE

At the turn of the 2010s, one more plot, which implies the physical movement of the protagonist back in time in order to change the past, has begun to be actively developed in modern Russian science fiction — a return to the USSR, and not to the years of the Great Patriotic War, where the first authors of current alternative science fiction sent their heroes, but to the much more peaceful years of “zastoy”, in the late Soviet Union of Brezhnev times. In many works, the hero, during such a transfer, ends up in a child’s body and thereby is forced to live through late Soviet childhood — the way the author depicts it. In most works of this kind, this late-Soviet childhood is endowed with unconditionally positive characteristics, and this circumstance prompts an attempt to study the social basis of such works: one can often come across the opinion that such an interpretation implies a collective, albeit commercialized, nostalgia, but, given that the authors of these works, as a rule, already belong to the post-Soviet generation, other mechanisms of commemoration seem to be at work here. Using the methodology of memory studies, the article substantiates the need for closer research attention to the products of modern popular culture as potentially effective ways of imagining the past.

Keywords: history of the USSR, Soviet childhood, popular culture, alternative fiction, symbolic politics, memory studies